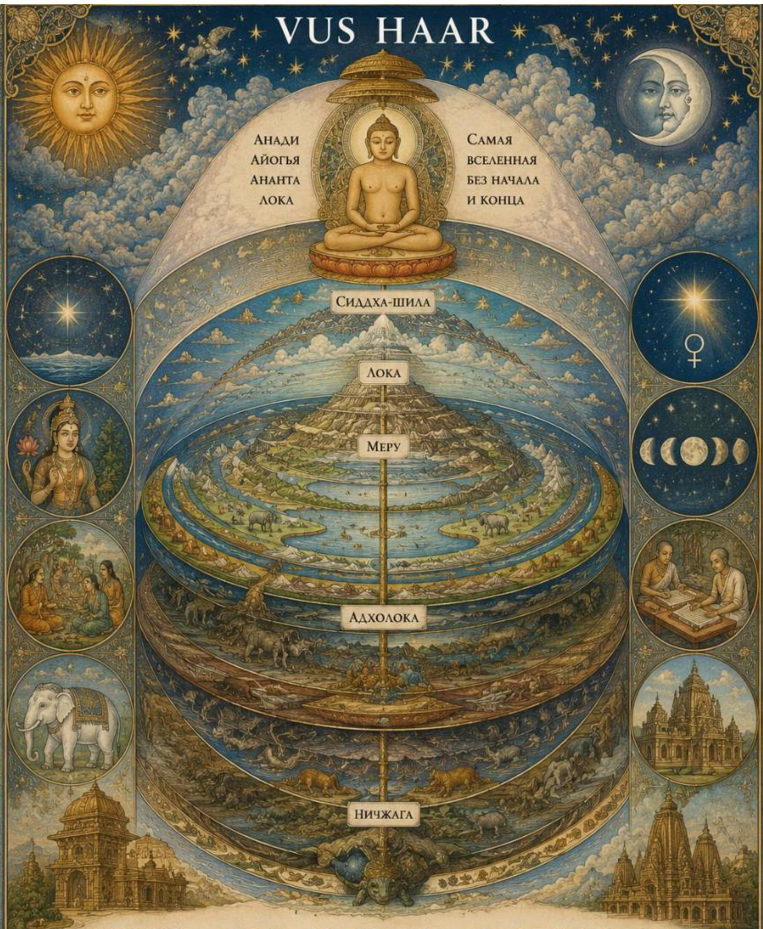

VUS HAAR

КОСМОЛОГИЯ ДЖАЙНИЗМА

VUS HAAR

Космология джайнизма

<https://litres.ru/74384904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга посвящена джайнской космологии — древнейшей модели мироздания, возникшей в долине Ганга за много веков до нашей эры. В отличие от иных религиозных систем, джайнизм отрицает сотворение мира и существование верховного творца, предлагая учение о вечной, циклически изменяющейся Вселенной, управляемой законом кармы. Автор прослеживает путь традиции от этногенеза и ранних общин до средневековых королевств и современности, детально разбирая астрономические и географические представления, зафиксированные в канонических текстах — «Таттвартха-сутре», «Тилойя-паннатти» и других. Читатель узнает о строении трёх миров, горе Меру, океанах и реках, о движении Солнца, Луны и планет, о причинах фазности светил, затмений, приливов и многих явлений, объяснённых древними мудрецами с удивительной логикой. Описаны джайнский календарь, астрология, пантеон божеств и обрядовая жизнь, где космология становилась повседневной практикой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Земля меж двух великих рек: истоки джайнской цивилизации в долине Ганга	9
Глава 2. Тени доарийской древности: археологические свидетельства и джайнская традиция	21
Глава 3. Вардхамана Махавира: жизнь, странствия и рождение общины	34
Глава 4. Раскол и ветви: дигамбары и шветамбары и их пути к истине	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Космология джайнизма

Пролог

Есть ли на свете что-либо более древнее и одновременно более живое, чем вопрос о том, как устроен мир? Каждая эпоха, каждый народ, каждый мыслитель давали свой ответ, и эти ответы, словно слои геологических пород, накапливались в культурной памяти человечества. Одни из них канули в Лету, оставив лишь едва заметные следы в археологических раскопках, другие же продолжают звучать в храмовых песнопениях и календарных обрядах, питая умы и души миллионов людей. К числу последних принадлежит и джайнская космология — учение, которое не только пережило более двух с половиной тысяч лет политических бурь, религиозных реформ и научных революций, но и сохранило свою цельность, глубину и удивительную способность вызывать изумление у современного образованного человека.

Долгое время джайнизм оставался в тени более многочисленных индуистских и буддийских традиций, и лишь в последние столетия его философское и научное наследие стало привлекать пристальное внимание исследователей. И тогда открылась поразительная картина: перед взором учёных предстала не примитивная мифология, а сложная, многоуровневая система, построенная на чётких логических осно-

ваниях, содержащая собственные аксиомы, теоремы и даже элементы математического аппарата, применённые к описанию пространства, времени и движения. Джайны не просто рассказывали сказки о богах и героях — они выстраивали модель Вселенной, сопоставимую по своей внутренней красоте с лучшими образцами эллинистической или исламской астрономии, но при этом радикально отличную от них в своём исходном посыле: мир не был никем создан, он существует вечно, и задача человека — не ублажать творца, а освободить свою душу из оков материи.

Однако было бы глубокой ошибкой воспринимать джайнскую космологию как нечто застывшее, раз и навсегда зафиксированное в канонических текстах. На самом деле эта традиция развивалась, впитывала элементы соседних культур, спорила с брахманистскими астрономами и буддийскими монахами, адаптировалась к новым историческим условиям и при этом всегда оставалась верна своим основополагающим принципам: вечности мира, множественности душ, закону кармы и возможности освобождения. В этом живом диалоге с окружающей действительностью рождались не только философские трактаты, но и точные календари, методы вычисления затмений, схемы движения планет и даже своеобразная теория приливов и отливов, удивительным образом согласующаяся с некоторыми современными гипотезами.

Но, быть может, самое захватывающее в этом путеше-

ствии — возможность взглянуть на привычные астрономические феномены глазами древнего мудреца. Почему Меркурий и Венера не показывают нам своих фаз, если смотреть невооружённым глазом, а Луна меняет свой облик каждую ночь? Почему реки, берущие начало в горах, не пересыхают даже в самый знойный месяц, тогда как океаны горько-солёны, а подводные течения движутся с таинственной неспешностью? Что такое радуга — только ли преломление солнечных лучей в каплях воды, или в ней скрыт более глубокий космический смысл, связанный с устройством миров? Джайны давали на эти вопросы ответы, которые сегодня могут показаться наивными, но в их наивности проступает удивительная логика, основанная на тысячелетних наблюдениях и непоколебимой вере в то, что Вселенная подчиняется единому, разумному и нравственному порядку.

Предлагаемая книга построена как длительное странствие — от первых стоянок древних людей в долине Ганга до современных лабораторий, в которых физики пытаются уловить тёмную материю. Это странствие не имеет целью ни опровергнуть, ни подтвердить джайнские воззрения с позиций сегодняшней науки, но оно стремится понять их изнутри, проникнуться их духом и оценить ту колоссальную интеллектуальную работу, которая была проделана поколениями ачарьев, писцов, архитекторов и просто верующих, веками вглядывавшихся в ночное небо. Без этой работы не было бы ни великих храмов на горе Шатруджайя, ни сложных

ритуалов париюшан, ни тех бесчисленных рукописей, которые до сих пор хранятся в пыльных собраниях Патана, Ахмадабада и Мумбаи.

Структура изложения по возможности избегает академической сухости: за каждой цифрой и схемой здесь оживают человеческие судьбы, за каждым астрономическим термином — дыхание той эпохи, когда звёзды ещё были богами, но уже измерялись локтями и гхатиками. Читатель встретит имена Тиртханкаров, услышит споры древних школ, увидит, как космология постепенно превращалась из эзотерического знания в достояние широких народных масс, обретая черты фольклора и бытовой магии. И, возможно, в конце этого пути откроется нечто большее, чем просто собрание фактов: откроется понимание того, что всякая космология — это, в конечном счёте, способ рассказать человеку о его собственном месте в бесконечности, о его достоинстве и ответственности за каждый миг бытия.

Здесь нет места легковесным вымыслам или произвольным домыслам, ибо автор опирается исключительно на аутентичные джайнские источники — канонические сутры, комментарии средневековых схоластов, а также на труды современных индологов и астрономов, посвятивших свою жизнь изучению этого наследия. Вместе с тем книга не уклоняется от обсуждения нерешённых вопросов: многие манускрипты ещё ждут своей расшифровки, многие космические пропорции, упоминаемые в «Тилойя-паннатти», не находят

однозначного соответствия в современных измерениях, и это оставляет широкое поле для будущих открытий. Именно эта незавершённость, эта открытость диалогу между древностью и современностью делает тему по-настоящему животрепещущей.

В конце концов, джайнская космология — это не музейный экспонат, а живой организм, который продолжает оказывать влияние на мировоззрение миллионов людей, определять их этику, их отношение к природе, их восприятие времени и смерти. В мире, где научные картины Вселенной меняются чуть ли не каждые десять лет, устойчивость этой древней системы, её способность сохранять притягательную силу на протяжении стольких веков заслуживает самого пристального изучения. Настоящее исследование приглашает читателя к этому увлекательнейшему занятию, обещая, что часы, проведённые за страницами, будут не просто познавательными, но и по-настоящему волнующими — ведь речь пойдёт о величайшей из загадок, той, что носит имя «Вселенная», и о том, как один из древнейших народов земли пытался разгадать её.

Глава 1. Земля меж двух великих рек: истоки джайнской цивилизации в долине Ганга

Представьте себе огромную равнину, простирающуюся от Гималайских предгорий до плоскогорий Декана, изрезанную бесчисленными речными артериями, которые несут свои воды с ледяных вершин к тёплому Бенгальскому заливу. Это пространство, которое в древности называли Арьявартой — землёй благородных, — но задолго до того, как это имя закрепилось в ведических гимнах, здесь уже жили люди, возводили города, торговали, воевали и, самое главное, задавали себе вопросы, на которые не находили ответов ни в грохоте битв, ни в шелесте рисовых полей. Долина Ганга стала колыбелью не одной, а множества традиций, и среди них — джайнизм, учение, которое отрицало само существование творца, но при этом создало одну из самых сложных и детализированных картин мироздания, известных человечеству.

Чтобы понять, как могла возникнуть столь необычная философия, необходимо всмотреться в саму землю, на которой она произросла. Центральная часть долины Ганга, область, которую историки называют Великой Магадхой, в середине первого тысячелетия до нашей эры представляла собой нечто совершенно особенное. Это был регион, где джунгли

постепенно уступали место обработанным полям, где железные орудия позволяли выкорчёвывать вековые деревья и осушать болота, превращая дикую природу в культурный ландшафт. Благодаря обильным муссонным дождям и невероятному плодородию почв здесь могла прокормиться достаточно плотное население, а это, в свою очередь, создавало условия для разделения труда и появления свободного времени, которое люди тратили не только на войны и торговлю, но и на размышления.

Именно эта интеллектуальная атмосфера и породила феномен, который до сих пор поражает исследователей. Страна буквально кишела многочисленными аскетами, философами и бродячими учителями, для которых бесконечные диспуты стали главным смыслом существования. Они оттачивали своё мастерство в спорах, переманивали друг у друга учеников и завоёвывали расположение правителей, превращая философию в зрелищное искусство. В этом котле идей варились самые разные учения — от крайнего материализма до изощённого мистицизма, но лишь два из них сумели пережить века и оставить заметный след в истории. Одним стал буддизм, которому было суждено распространиться по половине Азии, другим — джайнизм, оставшийся почти неизвестным за пределами Индостана, но для самой Индии значивший не меньше, а возможно, и больше.

В чём же заключалась уникальность этой традиции, возникшей в лоне шраманской культуры — движения отшель-

ников, противопоставлявших себя ортодоксальному брахманизму? Прежде всего в том, что джайны с самого начала отвергли авторитет Вед и жреческое сословие, заявляя, что путь к истине лежит не через ритуалы и жертвоприношения, а через личный аскетический подвиг и строжайшее соблюдение нравственных принципов. Они не признавали бога-творца, не верили в возможность умиловить высшие силы молитвами и дарами, но при этом создали учение о карме, которое по своей внутренней логике и строгости превосходило многие более поздние философские системы. В центре этого учения стояла идея о том, что каждая душа, джива, извечно странствует в круговороте перерождений, и единственный способ освободиться — это полностью очистить себя от тонкой материи кармы, которая окутывает душу подобно тому, как пыль покрывает зеркало.

Но было бы глубокой ошибкой полагать, что джайнизм возник на пустом месте, как некое озарение, посетившее одного человека. Корни этой традиции уходят в доарийскую древность, в те времена, когда в долине Инда ещё существовала великая цивилизация Хараппы и Мохенджо-Даро. Печати, статуэтки, изображения йогических поз, найденные при раскопках, неопровержимо свидетельствуют о том, что протоджайнизм существовал уже за три-четыре тысячи лет до нашей эры. Разумеется, это не означает, что джайны в современном понимании этого слова жили в те далёкие времена, но идеи, которые позже оформились в стройное учение,

несомненно, имеют глубокие корни в автохтонных, неарийских культурах Индийского субконтинента.

Сама джайнская традиция, впрочем, настаивает на ещё более грандиозной древности. Согласно её воззрениям, дхарма, то есть вечный закон, не имеет ни начала, ни конца и проявляется в каждой космической эпохе через череду двадцати четырёх тиртханкаров — «создателей брода», переправляющих души через океан сансары. Нынешний цикл времени, который джайны называют авасарпини, или нисходящей половиной колеса времени, уже породил двадцать четыре таких учителя, и последним из них стал Вардхамана Махавира. Однако если первые тиртханкары, такие как Ришабха, которого почитают как основателя человеческой цивилизации и учителя ремёсел, окутаны плотной пеленой мифов, то о двадцать третьем, Паршванатхе, можно говорить с определённой долей исторической достоверности.

Этот великий подвижник жил за два с половиной столетия до Махавиры, и именно его следует считать реальным предшественником того учения, которое позже получило имя джайнизма. Паршванатха проповедовал четыре великих обета: отказ от насилия, отказ от лжи, отказ от воровства и отказ от собственности. Махавира, о котором речь пойдёт ниже, добавил к ним пятый — целомудрие, но в основе своей учение осталось тем же. Таким образом, когда в шестом веке до нашей эры на исторической сцене появился Вардхамана, он был не столько основателем новой религии, сколь-

ко реформатором уже существовавшей традиции, который систематизировал и углубил идеи, передававшиеся из уст в уста на протяжении многих поколений.

Кем же был этот человек, чьё имя до сих пор произносится с благоговением в каждом джайнском храме? Родился он в 599 году до нашей эры в местечке Кундапур, расположенном неподалёку от Вайшали, в Северном Бихаре. Его отец Сиддхартха был правителем из знатного кшатрийского рода Джнати, а мать Тришала принадлежала к ещё более древней и влиятельной династии Личчхавов. Легенда гласит, что ещё до рождения Вардхаманы боги предвидели его великое предназначение, и сам Индра, владыка небес, вмешался в ход событий, когда зародыш будущего спасителя по ошибке был помещён в чрево брахманки. Индра перенёс его в лоно Тришалы, дабы великий учитель родился в семье воинов-правителей, а не жрецов, и этот эпизод наглядно демонстрирует ту тенденцию, которая царила в Магадхе того времени: кшатрии всё чаще противопоставляли себя брахманам, претендуя на духовное лидерство.

Первые тридцать лет жизни Вардхаманы ничем не отличались от судьбы любого царевича. Он наслаждался богатством, женился на прекрасной Йашоде, у него родилась дочь. Однако после смерти родителей, когда бремя мирских забот легло на его плечи, будущий Махавира принял решение, которое навсегда изменило не только его жизнь, но и судьбы миллионов людей. Он оставил дворец, семью и все земные

блага, чтобы отправиться в долгое и опасное странствие в поисках истины. Двенадцать лет он скитался по долине Ганга, подвергая себя самому жестокому аскетизму, встречался с другими отшельниками, участвовал в бесконечных диспутах и наконец, на тринадцатый год, достиг того состояния совершенного знания, которое джайны называют кевала-джняна. С этого момента он стал Джиной — Победителем, Махавирой — Великим Героем, и приступил к проповеди своего учения.

Оставшиеся тридцать лет своей жизни Махавира странствовал по долине Ганга, собирая вокруг себя всё больше последователей. Его учение, которое он сам называл ниргрантха-дхармой, то есть религией свободных от уз, находило отклик в сердцах самых разных людей — от князей и купцов до простых ремесленников и земледельцев. Однако наибольший успех джайнизм имел среди торговцев и горожан, чей образ жизни, связанный с накоплением богатства и постоянными перемещениями, требовал более гибкой морали, нежели та, что предлагали брахманские ритуалы. Крестьяне, напротив, редко становились джайнами, ибо земледелие неизбежно связано с убийством живых существ — червей, насекомых, грызунов, — а принцип ахимсы, ненасилия, был для джайнов абсолютным и не допускал компромиссов.

Махавира умер в возрасте семидесяти двух лет в местечке Пава, недалеко от Раджагрихи, столицы Магадхи, примерно в 527 году до нашей эры. К тому моменту вокруг него

уже сложилась многочисленная община, насчитывавшая до четырёхсот тысяч последователей. Но это было лишь начало. В течение последующих столетий джайнизм продолжал распространяться, переживая взлёты и падения, расколы и реформы, но неизменно сохраняя верность тем принципам, которые были заложены его великим учителем.

Одним из ключевых моментов в ранней истории джайнизма стало переселение монахов из долины Ганга в Декан, вызванное жестоким голодом, разразившимся в конце правления Чандрагупты Маурьи. Согласно джайнскому преданию, сам Чандрагупта, основатель империи Маурьев, отказался от власти и стал монахом-джайном, присоединившись к общине отшельников. Когда голод поразил Гангскую долину, группа монахов во главе с Бхадрабаху двинулась на юг, в поисках более благоприятных земель. Другие, под руководством Стхулабхадры, остались на севере. Этот раскол, вызванный не столько доктринальными разногласиями, сколько практическими обстоятельствами, привёл к окончательному разделению джайнов на две основные ветви.

Бхадрабаху и его последователи настаивали на сохранении практики наготы, которую установил сам Махавира, ибо они считали, что любая одежда — это привязанность, от которой должен освободиться истинный аскет. Стхулабхадра же, учитывая тяготы голодных лет и необходимость появляться в городах, где нагих монахов могли не понять, разрешил своим ученикам носить белую одежду. Так возник-

ли две секты: дигамбары, «одетые воздухом» или «одетые сторонами света», и шветамбары, «одетые в белое». Окончательное оформление этого раскола произошло лишь в первом веке нашей эры, но с тех пор деление стало неотъемлемой чертой джайнской традиции. Примечательно, что доктринальных разногласий между сектами изначально не было, и большинство дигамбаров впоследствии стали носить одежду прилюдно, сохраняя наготу лишь как идеал, но само деление на две ветви сохранилось до наших дней.

Бхадрабаху оказался последним из великих учителей, о котором сохранились устные предания. После его смерти Стхулабхадра созвал большой собор в Паталипутре, древней столице Магадхи, на котором канонические элементы учения были объединены и систематизированы в двенадцати разделах — ангах. Эти анги заменили собой четырнадцать ещё более древних текстов, называемых пурва, которые считались утерянными. Важно отметить, что это новшество признали только шветамбары; дигамбары пошли своим путём, создав собственный канон священных текстов. Окончательная систематизация шветамбарского канона произошла значительно позже, в пятом веке нашей эры, на соборе в Валабхи, в Гуджарате. Тогда же появились многочисленные комментарии как на пракрите, так и на санскрите, а сами священные тексты стали интерпретироваться различными монахами-философами, каждый из которых вносил свой вклад в развитие учения.

Но даже в этот ранний период, когда джайнизм только оформлялся как самостоятельная религиозная система, его последователи не замыкались исключительно на вопросах спасения души. Они проявляли живой интерес к устройству мироздания, к движению небесных тел, к природе времени и пространства. Эта жажда познания, сочетающаяся с глубокой религиозной верой, и привела к созданию тех удивительных космологических трактатов, которые будут подробно рассмотрены в следующих главах. Но прежде чем перейти к ним, необходимо понять, как сама земля, её реки, горы и ветра, формировали мировоззрение людей, населявших Гангскую долину, и каким образом их повседневный опыт отражался в грандиозных картинах Вселенной, которые они создавали. Ибо космология джайнизма — это не отвлечённая схема, а живое отражение того мира, который окружал древних мудрецов: мира, где Ганг был не просто рекой, а символом вечного течения времени, где горы казались осями Земли, а небо — куполом, под которым разворачивается бесконечная драма душ и карм.

Долина Ганга в те времена была покрыта не только джунглями и болотами, но и сетью древних торговых путей, связывавших отдалённые царства. По этим путям двигались не только купцы с товарами, но и странствующие монахи, которые несли с собой новые идеи. В городах, возникавших на берегах рек, кипела жизнь: ремесленники ковали железо, ткачи создавали тончайшие ткани, ювелиры обрабатывали

драгоценные камни, а писцы записывали на пальмовых листьях беседы мудрецов. Именно в этой среде, где сталкивались разные культуры и мировоззрения, и вызрела та уникальная философия, которая позже получила имя джайнизма.

Особое значение имел город Варанаси, который считается древнейшим непрерывно обитаемым городом Индии. Расположенный на левом берегу Ганга, он был не только торговым центром, но и местом паломничества, где встречались представители самых разных школ и традиций. В его узких улочках, на ступенях гхатов, ведущих к священной воде, веками звучали споры о природе души, о смысле существования, о том, что находится за пределами видимого мира. И хотя джайнизм никогда не был государственной религией Варанаси, его идеи находили здесь благодатную почву, ибо этот город был тем местом, где сомнение почиталось не меньше, чем вера.

Джайны, как и многие другие шраманы, вели кочевой образ жизни, за исключением четырёх месяцев сезона дождей, когда они оседали в одном месте. Эта практика, называемая чатурмасья, позволяла им не только пережить непогоду, но и собирать вокруг себя учеников, проводить длительные дискуссии и систематизировать знания. Именно во время таких затворничеств, в тени баньяновых деревьев или в пещерах, вырубленных в скалах, рождались первые космологические трактаты, в которых мироздание описывалось с

такой же тщательностью, с какой купец описывал свой товар, а земледелец — свои поля.

Мир джайнов был миром строгих правил и точных измерений. Они измеряли время не только годами и месяцами, но и тончайшими мгновениями — с величинами, которые современная физика назвала бы планковскими. Они делили пространство на бесконечно малые частицы и одновременно охватывали мыслью целые вселенные. Они знали, что Земля не плоская, но при этом описывали её как диск, окружённый океанами и горами, и эта модель, при всей своей кажущейся архаичности, была удивительно стройна и самодостаточна. И все эти знания возникли не на пустом месте, а были выстраданы поколениями аскетов, которые проводили ночи напролёт, глядя на звёзды, и дни — вслушиваясь в шум ветра и воды.

Ветры, которые дули с Гималаев, принося прохладу и дожди, и ветры, которые поднимались с раскалённых равнин Декана, несущие зной и пыль, — всё это было частью единого космического механизма, в котором не было места случайности. Каждое дуновение, каждый порыв имели свою причину и своё следствие, вписывались в общую картину мира, где карма связывала всё со всем. Именно это ощущение всеобщей взаимосвязи, взаимозависимости всех явлений и составляет, пожалуй, самую суть джайнского миропонимания. И именно оно, это ощущение, рождалось в долине Ганга, среди её лесов и болот, городов и деревень, людей и

богов, которые вместе создавали ту удивительную цивилизацию, о которой мы будем вести речь на протяжении всей этой книги.

Глава 2. Тени доарийской древности: археологические свидетельства и джайнская традиция

Когда археолог впервые проводит лопатой по слою земли, обнажая черепки глиняной посуды или обугленные зёрна, он прикасается не просто к вещам — он прикасается к памяти, которая молчала тысячелетия. Долина Ганга хранит такую память на удивление щедро: под полями, где крестьяне выращивают рис и пшеницу, под фундаментами современных городов и даже под руслами рек, изменивших свои пути, лежат остатки поселений, возраст которых исчисляется десятками столетий. И среди этих остатков, среди каменных топоров, терракотовых фигурок и медных украшений, время от времени проступают образы, которые заставляют исследователей с новой остротой задаваться вопросом: не были ли джайны наследниками гораздо более древней традиции, чем та, что зафиксирована в их собственных хрониках?

Начать следует с того, что история цивилизации на Индийском субконтиненте делится на две большие эпохи, которые для простоты принято называть доарийской и арийской. Арии, индоевропейские кочевники, начали проникать

на северо-запад Индостана примерно во втором тысячелетии до нашей эры, принося с собой свои веды, свои жертвенные ритуалы и свой пантеон богов-громовержцев. Однако до их прихода здесь уже существовала высокоразвитая культура, сосредоточенная в долине Инда, но имевшая ответвления и в Гангскую область. Города Хараппа, Мохенджо-Даро, Лотхал поражают воображение своей продуманной планировкой, водопроводом, крытыми рынками и даже общественными банями. Люди, построившие эти города, умели плавить бронзу, ткать хлопковые ткани, делать ювелирные украшения из золота и серебра, а главное — они оставили после себя тысячи глиняных печатей с изображениями животных, растений и странных человекоподобных существ.

Именно эти печати, найденные в изобилии при раскопках, и стали тем камнем преткновения, о который споткнулось не одно поколение учёных. На многих из них вырезаны фигуры, сидящие в позах, которые до боли напоминают йогические асаны, известные сегодня каждому практикующему. Некоторые изображения демонстрируют трёхликих божеств, окружённых зверями, другие — одиноких подвижников, погружённых в глубокую медитацию. Когда эти находки впервые были представлены научной общественности в двадцатых годах прошлого века, сразу же возникла гипотеза о том, что протоджайнизм, а может быть, и протошиваизм, существовал на Индостане задолго до ведийской эпохи. Разумеется, эта гипотеза встретила как горячую поддержку, так и

ожесточённое сопротивление, но полностью отрицать её сегодня уже не представляется возможным.

Джайнская традиция, как уже упоминалось в первой главе, настаивает на том, что её первым тиртханкаром был Ришабха, живший в незапамятные времена, когда люди ещё не знали ремёсел и жили в пещерах. Именно Ришабха, согласно джайнским текстам, научил человечество земледелию, ткачеству, кузнечному делу, письму и множеству других полезных навыков. Он же установил первые законы общежития и разделил людей на сословия, но не по принципу рождения, а по их природным склонностям и способностям. Эта история, которую многие западные исследователи поначалу считали чистой мифологией, приобретает неожиданный смысл в свете археологических открытий, показывающих, что цивилизация долины Инда действительно обладала всеми теми технологиями, которые джайнское предание приписывает Ришабхе. Возможно, что память о реальной исторической личности, жившей за несколько тысячелетий до Махавиры, сохранилась в устной традиции и обросла божественными чертами, но её ядро осталось удивительно точным.

Разумеется, современная археология не может с абсолютной уверенностью утверждать, что найденные печати изображают именно Ришабху или другого джайнского тиртханкара. Слишком мало письменных источников той эпохи дошло до нас, слишком многое остаётся загадкой. Однако иное объяснение предложить трудно: культура Хараппы была неве-

дийской, она не знала коней и колесниц, не практиковала жертвоприношения животных в том виде, в каком их описывают Веды, но при этом в ней были ярко выражены аскетические и медитативные практики. Всё это удивительным образом совпадает с тем, что мы знаем о раннем джайнизме и других шраманских движениях, которые также противопоставляли себя ведийской ортодоксии. Не означает ли это, что шраманы являются прямыми наследниками доарийской цивилизации, сохранившими её духовные ценности даже после того, как сами города Хараппы пали под натиском завоевателей?

Падение этой цивилизации, случившееся примерно в 1900 году до нашей эры, до сих пор остаётся одной из самых интригующих тайн древней истории. Неизвестно, что именно вызвало упадок: изменение климата, истощение земель, вторжения чужеземцев или внутренние социальные конфликты. Но одно ясно — города опустели, торговля замерла, письменность была забыта, и на смену городской культуре пришли сельские общины, которые вели гораздо более простой образ жизни. Однако духовные идеи, возникшие в ту эпоху, не исчезли бесследно. Они ушли вглубь, в леса и пещеры, где отшельники продолжали свои медитации, передавая знание из уст в уста. Спустя тысячелетие, когда в Гангской долине вновь начали расти города и возрождаться торговля, эти идеи вновь вышли на свет, обретая новую форму в учениях Махавиры и Гаутамы Будды.

Важнейшим археологическим свидетельством, связывающим древнейшие пласты индийской культуры с джайнизмом, являются так называемые пещерные храмы, вырубленные в скалах Бихара и Ориссы. Многие из них, такие как пещеры Барабар и Нагарджуни, датируются третьим веком до нашей эры и содержат надписи, принадлежащие императору Ашоке. Однако некоторые более древние пещеры, по мнению ряда исследователей, могут относиться ещё к доарийскому периоду. Внутри этих пещер не найдено скульптур или алтарей, но их стены идеально отполированы, а геометрия помещений отличается невероятной точностью. Джайнские монахи веками использовали эти пещеры для своих затворничеств, и традиция настойчиво связывает их с деятельностью тиртханкаров, живших задолго до Махавиры. Отрицать эту связь на том лишь основании, что мы не имеем письменных источников той эпохи, было бы несправедливо по отношению к той огромной работе, которую проделала устная традиция.

Устная традиция — это не просто случайные рассказы, передаваемые из поколения в поколение. Это сложная мнемоническая система, в которой каждый стих, каждая метафора и каждое имя строго фиксированы, чтобы предотвратить искажение. Джайны разработали невероятно совершенные методы запоминания, включавшие ритмическое повторение, ассоциативные ряды и даже специальные жесты, помогавшие удерживать в памяти целые трактаты. Благодаря

этим методам, содержание древних текстов могло сохранять-
ся столетиями и даже тысячелетиями без существенных из-
менений, задолго до того, как их начали записывать на паль-
мовых листьях. Поэтому то, что мы называем мифологией,
на самом деле может быть весьма точным отражением ис-
торической реальности, пусть и облечённой в поэтическую
форму.

Однако не следует упрощать картину и представлять до-
арийскую Индию как некий «золотой век» джайнизма. Эта
эпоха была чрезвычайно сложной и многогранной, и в ней
существовали самые разные верования — от анимизма и по-
читания предков до сложных философских систем, о кото-
рых мы теперь можем судить лишь по косвенным данным.
Джайны, как и другие шраманы, впитали в себя множество
элементов этой древней культуры, но переосмыслили их в
соответствии со своими собственными принципами. Напри-
мер, почитание природы, столь характерное для хараппской
цивилизации с её изображениями животных и деревьев, на-
шло отражение в джайнском учении о том, что все живые
существа обладают душой и заслуживают сострадания. Но
если в древнейшей культуре это почитание носило, вероят-
но, магический характер, то джайны превратили его в стро-
гий этический принцип, основанный на философском ана-
лизе природы бытия.

Не менее интересен и вопрос о том, каким образом
джайнская традиция объясняет происхождение самой чело-

веческой цивилизации. Согласно учению, в начале каждой нисходящей половины колеса времени люди были совершенными существами, которые не нуждались в пище, одежде и жилищах, ибо они питались нектаром, парили в воздухе и жили десятки тысяч лет. Однако по мере движения времени их способности деградировали, и они вынуждены были искать пропитание в растениях, строить убежища и изобретать орудия труда. Именно тогда на сцену вышли тиртханкары, чтобы наставить человечество на путь дхармы и помочь ему не скатиться в полное варварство. Эта схема удивительным образом напоминает современные представления о переходе от охоты и собирательства к земледелию и урбанизации, но только облечена в форму космического цикла, где деградация и прогресс чередуются друг с другом бесконечно.

Можно ли считать, что джайнская космология, с её подробными описаниями древнейших времён, содержит реальные исторические сведения? Большинство учёных склоняются к тому, что прямые свидетельства здесь почти неотделимы от символики, но некоторые детали поражают своей точностью. Например, в джайнских текстах говорится о том, что в древности люди использовали огонь не для жертвоприношений, а исключительно для приготовления пищи и защиты от холода, и что они поклонялись не богам, а своим предкам и наставникам. Эти утверждения резко контрастируют с ведийской традицией, где огненные жертвы занимали центральное место, но зато прекрасно согласуются с архео-

логическими данными о хараппской культуре, в которой не найдено следов алтарей для жертвоприношений животных. Совпадение ли это, или же джайны действительно сохранили память о той эпохе, когда их предки жили в долине Инда?

Ответ на этот вопрос, вероятно, никогда не будет однозначным, но сам факт существования таких совпадений заставляет смотреть на устные предания с гораздо большим уважением, чем это было принято в науке столетие назад. Археология, лингвистика и антропология всё чаще приходят к выводу, что мифы — это не просто выдумки, а закодированные знания, требующие правильной расшифровки. И джайнские мифы, с их скрупулёзными перечислениями имён царей, династий и событий, выглядят именно как такой код, ключ к которому пока не найден полностью, но который уже начинает поддаваться усилиям исследователей.

Не менее значимы и археологические находки, сделанные на территории современного Гуджарата, где с древнейших времён существовала развитая морская торговля с Месопотамией и Египтом. Здесь, в портовых городах, таких как Лотхал, археологи обнаружили доки, склады и мастерские, свидетельствующие о высоком уровне организации торговли. Джайны, как известно, с древнейших времён были связаны с торговлей и мореплаванием, и их общины процветали в прибрежных регионах. Не наследие ли это той древней морской культуры, которая существовала на побережье Аравийского моря ещё до прихода ариев? И не там ли лежат истоки

джайнского учения о ненасилии, которое так органично сочеталось с жизнью купцов, заинтересованных в мирных отношениях со всеми народами?

В этом контексте особый интерес представляет джайнская традиция о двенадцати великих царствах, которые существовали в глубокой древности и были уничтожены в результате катастроф. Некоторые из этих царств, такие как Магадха и Каушамби, действительно известны из более поздних исторических источников, но другие, как, например, Хастинапур и Курукшетра, больше связаны с эпической традицией Махабхараты. Джайны включают эти топонимы в свою космологическую схему, утверждая, что они соответствуют определённым географическим регионам в различные эпохи. Эта синхронизация разных культурных пластов в единой хронологической сетке является одной из самых замечательных особенностей джайнского мышления — оно пытается примирить и объединить всё знание, каким бы разрозненным оно ни казалось.

Конечно, современная наука скептически относится к возможности выстроить подобную универсальную хронологию, но сам подход достоин уважения. Ведь в конечном счёте любая историческая реконструкция — это лишь гипотеза, которая может быть оспорена новыми находками. А джайнская версия истории, при всей её фантастичности, обладает одним важным преимуществом: она внутренне непротиворечива и учитывает не только человеческую историю, но и

историю всей Вселенной, включая её небесные и подземные миры. Такой холизм, такое стремление охватить взором всё сущее в его временной протяжённости — это, возможно, самое ценное наследие, которое древние джайнские мыслители передали своим потомкам.

Исследования последних десятилетий показали, что доарийские культуры Индии были гораздо более разнообразными и сложными, чем предполагалось ранее. Кроме Хараппской цивилизации, существовали и другие — в Ориссе, в Бенгалии, в Центральной Индии, — которые оставили свои следы в виде мегалитических памятников, петроглифов и погребальных сооружений. Каждая из этих культур по-своему осмысляла мироздание, каждая создавала свои мифы о происхождении мира и человека. И хотя большинство этих мифов утеряно навсегда, джайнская традиция вобрала в себя многие из них, переплавив в своём философском горниле и придав им универсальное звучание.

Так, например, джайнские представления о многоярусной Вселенной, о расположении горы Меру в центре мира, об океанах и континентах — всё это имеет параллели в мифах многих народов, населявших Индостан. Это позволяет предположить, что джайны не просто придумали свою космологию заново, но синтезировали знания, накопленные их предками на протяжении тысячелетий. Такая синкретическая природа джайнского учения делает его уникальным феноменом, в котором слились воедино архаические верова-

ния, философский рационализм и глубокая этическая интуиция. И каждый раз, когда археологи находят новый артефакт, который перекликается с древними джайнскими описаниями, эта связь становится всё более очевидной.

Но не следует думать, что эта связь — односторонняя. Джайнизм, в свою очередь, оказал огромное влияние на формирование тех культур, которые возникли на Индостане после упадка хараппской цивилизации. Многие элементы джайнской космологии проникли в индуизм и буддизм, стали частью общеиндийского культурного багажа и распространились далеко за пределы собственно джайнской общины. Так, например, учение о чакравартинах — вселенских владыках, правящих на протяжении долгих эпох, — встречается не только в джайнских, но и в буддийских и индуистских текстах. Но именно джайны разработали эту концепцию с наибольшей подробностью, создав целую галерею образов великих царей, чьи деяния были столь же грандиозны, как движение планет по небосводу.

Вглядываясь в эти древние пласты, поднимаемые на свет лопатами археологов и просеиваемые через сито академических дебатов, невольно испытываешь благоговение перед теми безымянными мудрецами, которые сумели не только пережить крах своих городов и гибель своих империй, но и сохранить для грядущих поколений самое главное — знание о том, что мир не случаен, что он подчинён высшему закону, и что человек, даже самый слабый и ничтожный, может

прикоснуться к этому закону и обрести свободу. Эта вера, подкреплённая археологическими доказательствами, которые всё накапливаются и накапливаются, превращает джайнскую традицию из простой религии в мощный исторический и философский феномен, понимание которого требует от нас не только учёности, но и воображения, способного проникнуть сквозь толщу веков к тем далёким истокам, где всё начиналось.

Именно там, в этих истоках, кроется ключ к пониманию не только джайнизма, но и всей индийской цивилизации с её удивительной способностью сохранять преемственность при внешней изменчивости. Ведь то, что мы наблюдаем сегодня — джайнские храмы, ритуалы, календари, астрологические практики, — есть результат непрерывного развития традиции, которая никогда не прерывалась, даже когда менялись языки, правители и религиозные учения. И эта непрерывность, подтверждаемая археологией, делает джайнскую космологию не просто музейным экспонатом, а живым свидетельством того, как человеческий дух, несмотря на все катастрофы, способен создавать и сохранять картины мира поразительной красоты и глубины.

Таким образом, тени доарийской древности, которые проступают сквозь археологические слои, оказываются не просто туманными призраками, а реальными предтечами той великой традиции, которая получила полное развитие в учениях Махавиры и его последователей. И хотя многие тайны

этой эпохи ещё не раскрыты, каждое новое открытие приближает нас к пониманию того, как именно сформировался тот уникальный синтез космологии, этики и метафизики, который мы сегодня называем джайнизмом. И это понимание, в свою очередь, помогает нам по-новому взглянуть на самих себя, на своё место в бесконечной череде поколений и на ту Вселенную, которая, как учили древние мудрецы, существует вечно, не имея ни начала, ни конца, и лишь меняет свои обличья в ритме космического танца времени.

Глава 3. Вардхамана Махавира: жизнь, странствия и рождение общины

Был ли он человеком, или в нём воплотилась некая высшая сила, которую смертные не способны до конца постичь? Этот вопрос веками занимал умы джайнских богословов, но для историка Вардхамана остаётся прежде всего человеком — плотью от плоти своего времени, своим народом и своей землёй. В шестом столетии до нашей эры, когда политическая карта долины Ганга представляла собой калейдоскоп соперничающих царств и республик, когда от Афганистана до Бенгалии гремели колесницы и звенели мечи, на свет появился ребёнок, которому было суждено изменить духовный ландшафт не только Индии, но и всего человечества. Впрочем, тогда никто не знал об этом, и даже астрологи, которые непременно составляли гороскопы для знатных семейств, вряд ли могли предвидеть ту невероятную судьбу, которая ожидала новорождённого.

Махавира, как его называют сейчас, появился на свет не в бедности и безвестности, а среди роскоши и власти, в семье, где каждое желание удовлетворялось прежде, чем оно успевало оформиться в слова. Его отец Сиддхартха был не просто местным правителем, а главой могущественного кла-

на Джнати, чьи владения простирались вдоль берегов реки Ришукула, притока Ганга. Мать Тришала, происходившая из легендарного дома Личчхавов, славилась своей мудростью и благочестием, а потому именно её выбрали боги, чтобы она выносила будущего спасителя. В джайнских текстах подробно описываются знамения, предшествовавшие его рождению: сны, в которых Тришала видела белого слона, золотого льва и прекрасную богиню, предвещавшие, что её сын станет властелином мира. Но то был властелин не над царствами и городами, а над собственными страстями и привязанностями.

Первые годы жизни Вардхаманы протекали в атмосфере всеобщего обожания. Он рос крепким и любознательным мальчиком, легко усваивал науки и воинские искусства, был любим слугами и наставниками. Однако с самого раннего детства в нём угадывалась какая-то особая отстранённость от мирских радостей. Когда другие дети веселились на праздниках, он часто уединялся в саду, под сенью баньяна, и подолгу смотрел на полёт птиц или на движения облаков, словно пытался разгадать тайну, скрытую за повседневностью. Родители не придавали этому значения, полагая, что с годами он перерастёт свою задумчивость и станет достойным наследником престола, мудрым правителем, который сможет расширить границы отцовского государства и приумножить его богатства.

Юность Вардхаманы была безмятежной, как вода в озере,

которое никогда не знало ветра. Он женился на Йашоде, прекрасной девушке из соседнего царства, и вскоре у них родилась дочь, которую называли Приядаршиной. Казалось, что жизнь идёт по накатанной колее, как и у всех его сверстников из высшей знати: управление хозяйством, участие в военных походах, религиозные церемонии и светские развлечения. Но Вардхамана с каждым годом всё больше чувствовал, что эти занятия не дают ему настоящего удовлетворения, что за ними скрывается пустота, которую не заполняют ни победы, ни пиры, ни даже любовь близких. Он начал замечать страдания, которые были скрыты от поверхностного взгляда: болезни, старость, смерть — вечные спутники человеческой жизни, о которых принято не говорить, но которые в любой момент могут разрушить все наши планы и надежды.

Смерть родителей стала тем поворотным моментом, который перевернул всю его жизнь. Он увидел, как власть и богатство бессильны перед лицом неумолимого времени, как даже самые могущественные цари превращаются в прах, и тогда Вардхамана принял решение, которое поразило его подданных не меньше, чем если бы он вдруг превратился в птицу и улетел в небо. В возрасте тридцати лет, в день, который джайны называют дикша-кальянак, он торжественно отказался от трона, от семьи, от всех земных привязанностей и стал странствующим аскетом. Согласно легенде, он раздал всё своё имущество бедным, снял драгоценные укра-

шения, остриг волосы и, облачившись в простую одежду, покинул дворец, никем не замеченный, кроме нескольких верных слуг, которые безуспешно пытались его удержать.

Началось двенадцатилетнее странствие, которое стало для Вардхаманы школой невыносимых испытаний и одновременно величайшего духовного роста. Он бродил по лесам и горам, по деревням и городам, не имея никакой цели, кроме одной — найти ответ на вопрос, который терзал его с детства: как освободиться от страданий, как разорвать цепь бесконечных перерождений и достичь того состояния, которое не знает ни боли, ни печали? В те годы по всей Индии скитались тысячи таких же отшельников, и Вардхамана встречался со многими из них, вступал в беседы и споры, перенимал их методы аскезы, но ни один из них не давал ему полного удовлетворения. Все они либо слишком полагались на ритуалы и жертвы, либо впадали в крайний аскетизм, который губил тело, но не приносил покоя душе.

Вардхамана избрал для себя самый суровый путь — тот, который джайны называют «самопожертвованием без предела». Он отказывал себе в пище, доводя себя до истощения, спал на голой земле, в самую жаркую погоду стоял неподвижно, глядя на солнце, а в зимнюю стужу сидел на льду рек. Он позволял жужжащим насекомым садиться на своё тело и не гонял их, дабы не нарушить принципа ненасилия. Он переносил насмешки и оскорбления от невежественных людей, которые считали его безумцем или одержимым. И с каждым

днём его внутреннее зрение становилось всё более ясным, а душа — всё более светлой, подобно золоту, очищенному от примесей в плавильном тигле.

И всё же эти двенадцать лет не были временем полного одиночества. Вокруг Вардхаманы постепенно начали собираться ученики и почитатели, которых привлекала не только его репутация великого аскета, но и его удивительная способность говорить просто и ясно о самых сложных вещах. Он не использовал туманных метафор и не прятался за авторитетами; его слова были прямыми, как стрела, и проникали в самую суть любого вопроса. Люди чувствовали, что он знает то, о чём говорит, и что его знание основано не на книжной учёности, а на личном опыте, выстраданном годами лишений. Вокруг него стало формироваться небольшое, но преданное сообщество, которое и стало зародышем будущей джайнской общины.

Наконец, на тринадцатый год своего странствия, Вардхамана достиг того, что джайны называют кевала-джняна — полного и совершенного знания, которое не оставляет ни малейшего сомнения в природе реальности. Это событие произошло неподалёку от города Джурипура, на берегу реки Рижухали, когда он сидел в медитации под деревом сал. В тот миг, как говорят предания, все завесы упали, и он узрел Вселенную в её истинном виде: все прошлые, настоящие и будущие рождения, все миры от самых низших до самых высших, все законы кармы и все пути освобождения открылись его

внутреннему взору. С этого момента Вардхамана стал Джингой — Победителем, ибо он победил все внутренние враги: гнев, гордыню, алчность и иллюзию. И с этого момента он начал проповедовать своё учение, которое он назвал ниргрантха-дхармой — религией свободных от оков.

Что же это было за учение, которое оказалось способным перевернуть умы столь многих людей? В своей основе оно было невероятно простым и одновременно бесконечно глубоким. Махавира, как его теперь называли, учил, что каждая душа, джива, по своей природе чиста, божественна и обладает бесконечным знанием, бесконечной силой и бесконечным блаженством. Однако эта изначальная чистота скрыта под слоями тонкой материи, которую мы называем кармой. Карма — это не просто абстрактный закон воздаяния, а реальное вещество, которое прилипает к душе в результате наших действий, слов и даже мыслей. Чем больше мы привязаны к мирским вещам, чем больше мы испытываем гнев, жадность или гордость, тем больше кармы накапливаем, и тем дальше уходим от своего истинного состояния.

Освобождение, согласно Махавире, состоит не в том, чтобы умиловить каких-то богов или совершить жертвоприношения, а в том, чтобы полностью остановить приток новой кармы и очиститься от старой. Это достигается через строгое соблюдение пяти великих обетов: ахимса — ненасилие по отношению ко всем живым существам, сатья — правдивость, астея — неприсвоение чужого, брахмачарья — цело-

мудрые и апариграха — нестяжательство. Эти обеты были известны и раньше, но Махавира придал им абсолютное значение, распространив их не только на людей, но и на животных, растения и даже на землю и воду. По его учению, каждое действие должно быть совершено с осознанием того, что оно может причинить вред другому существу, и поэтому человек должен постоянно контролировать свои движения, слова и мысли.

Особое место в учении Махавиры занимала концепция анекантавады — учения о множественности точек зрения. Он учил, что реальность настолько сложна и многогранна, что никакая конечная система не может описать её полностью, и что любое утверждение истинно только в определённом контексте. Это давало джайнизму удивительную гибкость и терпимость к другим мнениям, которые не отменяли, однако, строгости собственных нравственных требований. Махавира не признавал авторитет священных книг, не поклонялся богам и не совершал ритуалов — всё, что он требовал от своих последователей, это искреннее усилие следовать пути самосовершенствования, опираясь на собственную разумность и совесть.

Проповеди Махавиры собирали тысячи слушателей, и среди них были не только простолюдины, но и цари, министры, богатые купцы. Особенно сильное влияние он имел на торговое сословие, которое находило в его учении обоснование для честной и мирной жизни, свободной от насилия

и обмана. Джайнская община, которую он основал, состояла из четырёх частей: монахов и монахинь, которые вели строгую аскетическую жизнь, и мирян-мужчин и мирян-женщин, которые следовали обетам в меру своих сил, не порывая с мирскими обязанностями. Эта структура оказалась настолько жизнеспособной, что сохранилась в неизменном виде до наших дней, обеспечивая преемственность традиции на протяжении двадцати пяти столетий.

Однако путь Махавиры не был лёгким. Он встречал яростное сопротивление со стороны сторонников старых верований, особенно брахманов, которые видели в его учении угрозу своему привилегированному положению. Многие из них вступали с ним в публичные диспуты, надеясь посрамить его перед народом, но Махавира неизменно выходил победителем, ибо его логика была неопровержима, а его пример — безупречен. Он никогда не повышал голоса, не позволял себе оскорбительных выражений, но его спокойная уверенность действовала на оппонентов сильнее самых гневных тирад. Некоторые из его противников становились его учениками, другие — заклятыми врагами, но никто из них не мог отрицать его величие.

За тридцать лет своей проповеди Махавира исходил пешком всю Гангскую долину — от Гималаев до Виндхьянских гор — и везде оставлял после себя общины, которые продолжали его дело. Он никогда не пользовался колесницами или слонами, даже когда его приглашали цари, ибо это противо-

речило принципу ахимсы, ибо передвижение на животных связано с насилием. Он питался только тем, что ему подавали как подаяние, не выбирая пищу и не требуя особых блюд, и этим примером показывал, что истинная свобода начинается с освобождения от вкусовых привязанностей. Он спал на голой земле и носил лишь набедренную повязку, а в последние годы жизни отказался и от неё, полностью обнажая своё тело в знак полного отречения от мира.

Смерть Махавиры, наступившая в возрасте семидесяти двух лет, была столь же величественной, как и вся его жизнь. Он умер в местечке Пава, недалеко от Раджагрихи, в окружении своих ближайших учеников, которые преданно ухаживали за ним в последние дни. Согласно преданию, в момент его смерти небеса озарились сиянием, боги спустились, чтобы приветствовать его освобождённую душу, и даже деревья и камни, казалось, оплакивали уход великого учителя. Он оставил после себя огромное духовное наследие, которое его последователи бережно сохранили, несмотря на все превратности истории. Его тело было кремировано с царскими почестями, хотя сам он при жизни презирал всякое тщеславие, и прах его был развеян над священными водами Ганга.

После смерти Махавиры его община продолжала расти и укрепляться. Его ближайшие ученики, такие как Гаутама Индрабхути и Суядха, взяли на себя руководство и начали систематизировать его устные наставления. В течение следующих нескольких столетий были составлены канонические

тексты, в которых учение было изложено с невероятной подробностью — от правил поведения монахов до тончайших философских дифференциаций. Эти тексты, о которых мы подробно поговорим в следующих главах, стали фундаментом, на котором выросло всё здание джайнской космологии, ибо они содержали в себе не только этические наставления, но и развёрнутое учение о Вселенной, её строении, происхождении и конечной судьбе.

Но вернёмся к самому Махавиरे. Что именно позволило этому человеку, при всём его необычайном даре, привлечь к себе столь огромное число последователей и создать учение, которое пережило его на тысячелетия? Ответ лежит, вероятно, в уникальном сочетании нескольких качеств, которые редко встречаются в одном человеке. Во-первых, это была несокрушимая сила воли, которая позволяла ему выдерживать любые испытания и идти к цели, несмотря на все препятствия. Во-вторых, это был острый интеллект, который позволял ему блистать в диспутах с самыми искушёнными философами того времени. И в-третьих, это была глубочайшая человечность, которая проявлялась в его отношении к каждому живому существу — от крошечного муравья до величайшего царя.

Махавиру не был богом в том смысле, в каком богов понимают другие религии. Он не требовал поклонения себе, не обещал чудес и не угрожал наказаниями. Он просто показывал путь, оставляя каждому право идти по нему или свернуть

в сторону. Это отсутствие принуждения, эта свобода выбора привлекала к нему людей более, чем любые догмы, ибо каждый чувствовал, что его решения уважаются и что его личный опыт имеет значение. В этом, возможно, и заключается главная тайна успеха джайнизма: он превращает религию из системы запретов и предписаний в путь личного преобразования, где ответственность за свою судьбу лежит целиком на самом человеке.

Когда смотришь на портреты Махавиры в джайнских храмах — как правило, это статуи, стоящие в позе медитации, с опущенными глазами и лёгкой улыбкой на устах, — невольно чувствуешь ту атмосферу покоя и уверенности, которая исходила от него при жизни. Его образ не требует напряжённого всматривания, он просто есть, как есть горы, реки и звёзды, не нуждающиеся в объяснениях. И это умение быть просто собой, не притворяясь и не играя ролей, делает его одной из самых убедительных фигур в истории мировой духовности.

Влияние Махавиры на космологию джайнизма трудно переоценить. Именно он заложил те основы, которые впоследствии были развиты его последователями в стройную систему: учение о вечности Вселенной, о множественности миров, о непрерывном процессе изменения без начала и конца. Он не был астрономом в современном смысле этого слова, но его философские построения создали рамки, в которые укладывались любые наблюдения за небесными телами. И

если мы сегодня можем наслаждаться красотой джайнских космологических схем, мы обязаны этим в первую очередь тому, кто, сидя под деревом сал на берегу реки, сумел заглянуть за пределы видимого и прикоснуться к вечности.

Глава 4. Раскол и ветви: дигамбары и шветамбары и их пути к истине

Ничто в этом мире не остаётся неизменным, и даже самое чистое учение, покинув уста своего основателя, неизбежно начинает обрастать новыми смыслами, интерпретациями и практиками. То, что было ясно и просто для Махавиры, для его последователей превращалось в предмет бесконечных споров, и эти споры, подобно подземным водам, прокладывая себе путь сквозь толщу столетий, чтобы в конце концов вырваться на поверхность в виде двух великих рек, которые, сохраняя общее русло, всё же заметно отличались друг от друга цветом и вкусом своих вод. Раскол джайнизма на дигамбаров и шветамбаров — это не просто исторический казус, а глубокое и закономерное явление, в котором отразились все противоречия и сложности человеческой природы, стремящейся одновременно и к абсолютной истине, и к её доступному для повседневной жизни упрощению.

Чтобы понять истоки этого раскола, необходимо перенестись в те далёкие времена, когда джайнская община была ещё молодой и динамичной, но уже начала сталкиваться с вызовами, которые не могли быть разрешены простой ссылкой на авторитет Махавиры, ибо Махавира, как и всякий мудрец, не оставил после себя детальной конституции, регу-

лирующей все аспекты жизни своих последователей. Он дал принципы, но не всегда — конкретные правила их применения в тех или иных обстоятельствах. И когда эти обстоятельства менялись, возникали вопросы, на которые следовало давать ответы, а ответы эти неизбежно разнились в зависимости от местных условий, темпераментов и личных убеждений наставников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.